ЗИГМУНД ФРЕЙД
«ХАРАКТЕР И АНАЛЬНАЯ ЭРОТИКА»[1]

Среди лиц, с которыми приходится иметь дело врачу-психоаналитику, довольно часто встречается особый тип людей, у которых, с одной стороны, может быть подмечена комбинация некоторых определенных черт характера, с другой же — обращает на себя внимание ряд особенностей, проявлявшихся у них и детском возрасте: особенностей, связанных с отправлениями одной физиологической функции и со средой заведующих этой функцией органов. У меня постепенно сложилось впечатление, что подобного рода характер органически связан с особенностями в функции этих органов; сейчас я не сумею сказать, в связи с какого рода отдельными поводами у меня возникало это впечатление, могу, однако, заверить, что в его развитии не играли никакой роли предвзятые ожидания, исходящие из теоретических соображений.

Теперь опыт мой стал богаче, и уверенность в существовании подобной связи окрепла настолько, что я решаюсь сделать сообщение по поводу этих наблюдений.

Люди, которых я хотел бы описать, выделяются тем, что в их характере обнаруживается, как правило, присутствие следующих трех черт: они очень аккуратны, бережливы и упрямы. Каждое из этих выражений, в сущности говоря, уже само по себе относится к целому ряду или небольшой группе черточек характера, стоящих в тесном отношении друг к другу. Аккуратность обозначает здесь не только физическую чистоплотность, но также и добросовестность в исполнении иного рода мелких обязательств: на людей «аккуратных» в этом смысле можно положиться; противоположные в этом отношении черты: беспорядочность, небрежность. Бережливость может доходить до размеров скупости; упрямство иногда переходит в упорство, к которому легко присоединяется наклонность к гневу и мстительности. Последние два свойства — бережливость и упрямство — связаны друг с другом теснее, чем с первым, с аккуратностью, да и во всем комплексе они представляют более постоянную составную часть; но тем не менее мне кажется несомненным, что все эти три свойства связаны между собой, что они каким-то образом составляют одно целое.

Обычно можно без труда установить, что инфантильная задержка кала в младенческие годы существовала у них сравнительно гораздо дольше, чем это бывает обыкновенно, и что неприятности в области этой функции случались с ними иногда и в более поздние годы детства. По-видимому, они принадлежали к той категории грудных младенцев, которые имеют обыкновение не опорожнять кишечник, если их сажать на горшок, так как акт дефекации доставляет им удовольствие, и они извлекают из него как бы некоторую побочную выгоду.

[1] Печатается по изданию: Фрейд З. Психоанализ и учение о характерах. М., Пг.: Госиздат, 1923. Перевод В. А. Белоусова.

Дело в том, что из их рассказов выясняется, что им доставляло удовольствие задерживать стул даже в возмужалом возрасте, а кроме того, и в их воспоминаниях попадаются указания на всякого рода неподобающую возню с только что выделенным калом; такие вещи, правда, чаще фигурируют в воспоминаниях о братьях и сестрах, чем о самом себе. На основании этих указаний мы заключаем, что к числу особенностей врожденной сексуальной конституции этих лиц относится более резко выраженная, гиперакцентуированная эрогенность заднепроходной зоны. Но так как все это бывает только в детстве и в дальнейшем ничего от этих слабостей и особенностей не остается, то мы должны допустить, что эрогенное значение анальной зоны утрачивается, теряется в процессе развития. И вот мы делаем предположение, что указанная нами выше триада свойств и ее постоянство в характере данных субъектов могут быть поставлены в связь с этим поглощением и исчезновением анальной эротики[2].

Я знаю, что обычно до тех пор не решаются допускать существования связи между явлениями, пока связь эта кажется непонятной, пока у нас нет никаких отправных точек для ее удовлетворительного объяснения. Существуют, однако, некоторые предположения, с помощью которых нам удается схватить, по крайней мере, самый основной и общий смысл изучаемого нами комплекса явлений: предположения эти изложены в трех моих статьях о теории сексуальности (1905 г.). В них я старался показать, что сексуальный инстинкт наш в высокой

[2] Маловдумчивых читателей статьи о теории сексуальности особенно задели мои замечания об анальной — эротике грудных детей, поэтому приведу здесь в качестве интересного примера наблюдение, сделанное одним из моих пациентов, человеком очень интеллигентным. Один знакомый прочел исследование о теория сексуальности и, высказываясь по поводу одной книги, говорит, что вполне согласен с нею, однако отмечает в ней одно-единственное место, показавшееся ему до такой степени комичным и странным, что он, что называется, присел и с четверть часа хохотал до упаду. Вот это место: «Если грудной ребенок упорно отказывается опорожнять свой кишечник, когда его сажают на горшок, и предпочитает исправлять эту функцию, когда вздумается ему самому, а не ухаживающим за ним лицам, то это один из лучших предвестников нервности или анормальности в будущем этого ребенка. При этом, конечно, у ребенка вовсе нет желания запачкать свою постель, он старается только, чтобы у него не пропало то особое наслаждение, которое он попутно извлекает из акта дефекации». Мой знакомый представил себе восседающего на горшке грудного младенца, занятого обсуждением того, может ли он защитить подобное стремление своей свободной воли, а кроме того, озабоченного также и тем, чтобы не упустить связанного с дефекацией удовольствия. Вот эта картина и привела его в веселое настроение. Однако минут через двадцать приятель мой вдруг рассказал мне следующее, причем без всяких посредствующих звеньев (без всякого внешнего повода): «Слушай, вот передо мною стоит какао, и мне пришла в голову идея, постоянно занимавшая меня, когда я был ребенком. Я то и дело воображал, что я фабрикант какао van Houten (он произнес «van Haut'n» — ван Хаутн), что я обладаю замечательным секретом изготовления этого какао и что все окружающие хотят вырвать у меня эту тайну, способную осчастливить целый мир, я же берег ее самым тщательным образом. Почему я напал именно на van Hout'en, я не знаю. Мне, верно, понравилась реклама этой фирмы». Я рассмеялся и спросил его: «Wann hant'n die Mutter?» (Игра слов: van Houten — van Hauten — wann haut'n + die Mutter; последняя угроза означает: когда же мать бьет?). Сказал я это в сущности совершенно просто, не имея в виду ничего особенного, и лишь немного спустя я понял, что моя игра слов в действительности содержала в себе ключ к этому внезапно всплывшему воспоминанию детства. Я вижу в этом воспоминании блестящий пример маскирующей фантазии, возникшей на звуковых ассоциациях («Какао», wann haut'n); фантазия эта сохранила фактический момент (процесс питания), однако произвела полную переоценку всего содержания воспоминания и успокоила таким образом чувство вины (выделение пищи превращается в прием пищи, вызывающее стыд и подлежащее поэтому маскированию воспоминание превратилось в способную осчастливить весь мир тайну). Мой знакомый начал с самозащиты (которая проявилась, правда, лишь в виде довольно умеренного, формального несогласия), но уже через какие-нибудь тринадцать минут его бессознательное против его воли снабдило его убедительнейшими доказательствами. Это было для меня чрезвычайно интересно.

степени сложен, что в его развитии принимает участие многочисленный ряд отдельных элементов и парциальных влечений. В образовании «полового возбуждения» важную роль играют некоторые привходящие элементы: это периферические раздражения некоторых определенных частей или участков тела (гениталии, полость рта, заднепроходное отверстие, выводной проток мочевого пузыря). К этим участкам тела весьма подходит название «эрогенных зон». Судьба возникающих на этих участках раздражений является, однако, весьма различной, значение их варьирует также и в зависимости от возраста. Говоря вообще, только часть их утилизируется в сексуальной жизни, остальная часть подвергается отклонению от половых целей и направляется в сторону задач другого рода: сублимирование — вот подходящее название для этого процесса. В том периоде нашей жизни, который можно назвать периодом латентной сексуальности, начиная с пятилетнего возраста вплоть до первых проявлений пубертата (на одиннадцатом году), за счет раздражений, исходящих от эрогенных зон, в нашей душевной жизни создаются даже особые реактивные образования, особые контрастные силы: это стыд, отвращение и мораль — подобно своего рода плотинам, они тормозят вступающую в дальнейшем в свои права активность полового инстинкта. И ход эволюции и наше связанное со всей культурой современное воспитание ведут к тому, что анальная эротика оказывается в числе тех компонентов полового инстинкта, которые становятся неприемлемыми для половых целей в тесном смысле, поэтому представляется вероятным, что свойства характера: аккуратность, бережливость и упрямство, столь часто наблюдающиеся у лиц с анальной эротикой в детстве, представляют собой непосредственные и самые постоянные продукты сублимирования анальной эротики.

Само собой разумеется, что и мне лично далеко не до конца ясна и понятна внутренняя необходимость подобной связи явлений, однако я могу привести некоторые данные, могущие послужить вспомогательным материалом при уяснении себе этой связи. Получается впечатление, что свойства: чистоплотность, любовь к порядку и добросовестность — суть образования реактивные, это реакция на склонность к нечистому, постороннему, мешающему, не принадлежащему к собственному телу. Поставить упрямство в связь с интересом к дефекации — задача, по-видимому, не из легких, однако следует припомнить, что уже грудные младенцы в состоянии проявлять своеволие в связи с процессом испражнения (см. выше) и что общепринятая воспитательная мера, пускающая в ход болевые раздражения кожи ягодиц, связанной с эрогенной зоной заднего прохода, имеет в виду как раз упрямство ребенка, задается целью сломить упрямство и добиться послушания. Упрямое, идущее наперекор поведение, особенно же в сочетании с издевательством, отмечено употребительным как в наше, так и в прошлое время классическим выражением: поговорка эта состоит в предложении поцеловать область заднего прохода — очевидно, это подвергающаяся вытеснению форма нежности.

То же относится к обнажению или показыванию ягодиц, только в форме жеста;

поговорку эту и жест мы находим в «Герц фон Берлихинген» Гете, который очень удачно пользуется и тем, и другим как раз для выражения подобного упрямства.

Что общего, казалось бы, между комплексом дефекации и денежным комплексом? А между тем оказывается, что между ними очень много точек соприкосновения. Каждый врач, применяющий психоанализ, хорошо знает, что с помощью этого метода можно избавить нервных субъектов от самых упорных, застарелых, так называемых привычных запоров.

Это обстоятельство перестанет особенно удивлять нас, если мы вспомним, что внушение тоже способно хорошо влиять на эту функцию. С помощью психоанализа указанное действие достигается, однако, только в том случае, если мы коснемся денежного комплекса нашего пациента и побудим его отдать себе полный отчет в этом комплексе во всех его отношениях. Людей, слишком боязливо расходующих свои деньги, в просторечии называют «грязными», или «валяными» (schmutzig — грязный, filzig — валяный, английское слово «filthy» тоже значит грязный). Может показаться, что в данном случае психоанализ просто подхватывает намек обыденной речи. Однако подобный взгляд был бы слишком поверхностен.

Архаический способ мышления во всех своих проявлениях постоянно приводит в самую тесную связь деньги и нечистоты: так обстоит дело в древних культурах, в мифах и сказках, в суеверных обычаях, в бессознательном мышлении, в сновидениях и при психоневрозах. Дьявол дарит своим любовницам золото, а после его ухода оно превращается в куски кала: образ дьявола, конечно, не что иное, как олицетворение бессознательной душевной жизни с ее подвергнувшимися вытеснению инстинктивными влечениями[3]. Существует суеверие, приводящее в связь процессы дефекации с находками кладов, а фигура «Dukatenscheissers» (непереводимое выражение — обозначающее человека, испражнения коего состоят из дукатов) известна всем и каждому. Уже по древневавилонскому вероучению[4] «золото только адские извержения — Mammon-ilu man-man». В тех случаях, когда психоневротическое заболевание подражает разговорному языку, оно всегда берет слова в их смысле, там же, где получается впечатление, будто заболевание как бы наглядно изображает перед нами какое-либо слово или выражение, оно в действительности обычно только восстанавливает первичное значение этого слова.

Это условное отождествление золота и кала, может быть, находится в связи с переживанием резкого контраста между самым ценным, что известно человеку, и вовсе лишенным ценности, рассматриваемым как «отбросы».

В психоневротическом мышлении это приравнивание облегчается еще за счет следующего обстоятельства: примитивный эротический интерес к дефекации обречен, как мы

[3] Сравни истерическую одержимость и демонические эпидемии.

[4] Jerenaias. Das alte Testament im Lichte bes alien Orients, 2-е изд., 1906, с. 216, и Babylonisches im Neuen Testa ment, 1906, с. 96. «Мамон» (Маммон), а по-вавилонски man-man, это эпитет Нергала, бога преисподней. По восточному мифу, мигрировавшему в саги и сказки других народов, золото не что иное, как нечистоты или адские извержения.

уже знаем, на исчезновение в более зрелом возрасте, а в этом возрасте складывается интерес к деньгам, в детстве еще не существовавший; примитивному влечению, утрачивающему свой объект, таким образом, облегчается нахождение себе новой цели, именно в этом вновь возникающем интересе к деньгам.

Если характер связи между анальной эротикой и названной триадой свойств действительно таков, как мы утверждаем, то едва ли следует ожидать, что подобный «анальный характер» можно отметить у тех лиц, у которых анальная зона сохранила свое эрогенное значение и в зрелом возрасте, как, например, у некоторых гомосексуальных субъектов. Если я не слишком заблуждаюсь, это наше заключение вполне подтверждается эмпирически.

Следовало бы вообще обратить внимание и на другие виды характеров и выяснить, нет ли и в иных случаях связи с определенными эрогенными зонами. Мне лично до сих пор бросилось в глаза только то, что субъекты, страдавшие недержанием мочи, отличаются непомерным, пламенным честолюбием. Дефинитивный характер и способ его развития из первичных влечений — тема эта может быть охвачена следующей формулой: дефинитивные особенности характера или представляют собой неизменно продолжающие свое существование первичные влечения, продукты их сублимирования или же являются новообразованными, имеющими значение реакции на эти влечения.